

Мир на поверхности: «Послы» и земной глобус Ганса Гольбейна Младшего

СТАНИСЛАВ ГАВРИЛЕНКО

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (МГУ), Россия, o-s@proc.ru.

Ключевые слова: Ганс Гольбейн Младший; глобус; карта; картография; картографическая поверхность.

В статье предпринята попытка рассмотреть реалистический план одной из самых известных картин Северного Возрождения, полной «потопленных схем», — «Послов» Ганса Гольбейна Младшего (1533). Этот план образован сценой соседства, в которой оказываются объединены люди (послы), наделенные определенным статусом и функцией, и весьма специфические вещи (множество астрономических, географических, арифметических и музыкальных предметов). Что показывается этим соседством? Почти все изображенные Гольбейном предметы, сопровождающие послов, имеют непосредственное отношение к практикам наблюдения и способам фиксации, преобразования, организации и репрезентации их результатов.

В статье делается осторожное предположение, что поверх возможных скрытых значений картина Гольбейна документирует тот момент европейской истории, когда техники

наблюдения и способы его репрезентационного закрепления начинают плотно вписываться не только в крупномасштабные политические стратегии, но и в рутинные процедуры государственного управления, а политические аппараты начинают конституировать себя как аппараты наблюдения и производства видимого. В этом контексте посол как представитель суверена — это прежде всего наблюдатель. Особое внимание уделено изображенному на картине Гольбейна глобусу Земли как важной части этих аппаратов. Для эпохи Гольбейна это был инновационный объект. Будучи одновременно политическим и эпистемологическим инструментом, глобус Земли выступает сложным механизмом синоптического видения и тотализирующим представлением, той репрезентационной (картографической) поверхностью, на которой осуществляется тяжелая работа по сборке мира и контролю над ним.

...новая картина Земли, земной глобус, должна была превратиться в главную икону новоевропейского зрительного восприятия мира. С эпохи создания глобуса Мартина Бехайма 1492 года — старейшего дошедшего до нас предмета подобного рода — до времени сделанных НАСА новейших фотографий Земли космологический процесс современности определялся изменениями облика и уточнения картины Земли, осуществляемого при помощи различных технических средств.

Петер Слотердайк. Глобусы¹

И это то, что дают нам карты — *реальность* вне пределов нашей досягаемости, нашего виденья, продолжительности наших дней, реальность, которую мы не можем достичь никаким иным способом.

Дэнис Вуд. Переосмысляя власть карт²

НА ПИСАННЫЕ³ в 1533 году «Послы» Ганса Гольбейна Младшего (1497–1543) — одна из самых известных, узнаваемых и загадочных картин Северного Возрождения, стимулировавшая многочисленные исследовательские усилия и породившая не менее многочисленные истолкования, стремившиеся за «обманчивым» реализмом изображенной Гольбейном сцены обнаружить множество, «потаенных схем»⁴, «скрытых значений» или отголосков «тайных наук». В галерее написанных Гольбейном портретов (преимущественно поясных, ср., например, портреты Эразма Роттердамского, Томаса Мора, Генриха VIII, Анны Болейн, Джейн Сеймур, Катари-

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

1. Слотердайк П. Сферы: макросферология. СПб.: Наука, 2007. Т. II: Глобусы. С. 814.
2. Wood D. Rethinking the Power of Map. L.; N.Y.: The Guilford Press, 2010. P. 15.
3. Часть соображений этой статьи ранее были высказаны в: Гавриленко С. М. Ганс Гольбейн Младший, Ян Ваделаар и империя наблюдения // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4 (18). С. 84–102.
4. Норт Д. Космос. Иллюстрированная история астрономии и космологии. М.: НЛО, 2020. С. 417.

ны Говард, Томаса Кромвеля, Шарля де Солье, астронома Николая Кратцера или купца Георга Гиссе) «Послы», действительно, занимают особое место. На ней в полный рост изображены два молодых человека, непринужденно опирающихся на стол, на двух ярусах которого располагается множество тщательно выписанных предметов. Нам известны имена этих людей, их социальное положение и даже возраст. Картина была написана для двадцатидевятилетнего французского посла при дворе английского короля Генриха VIII Жана де Дентевилля. На ней он изображен (слева) со своим другом, епископом Лавора Жоржем де Сельвом (ему на момент написания картины двадцать пять лет), также выполнявшим посольские поручения, в том числе при папском дворе и в Венецианской Республике. Одной из главных особенностей этого полотна Гольбейна является искаженное изображение черепа (анаморфоз) на его переднем плане, вносящее динамический оптический и смысловой диссонанс во в целом статичный визуальный порядок картины⁵.

В этом изображении нас интересуют не зашифрованные в нем тайные и не очень значения, поддерживающие ренессансный символизм или отсылающие к актуальным политическим реалиям эпохи (порванная струна лютни как знак раскола христианского мира или как визуальное выражение одного из мест *Corpus Hermeticum*), и не множество астрономических и даже астрологических намеков, рассеянных по его визуальному пространству (тень гномона, указывающая на дату Страстной Пятницы 1533 года), и не возможность, например, истолковать его общий композиционный строй как построенный на основе магического квадрата Агриппы Неттестеймского (1486–1535). Парадоксальным аспектом «Послов» является то, что именно их очевидный гиперреализм, характерный для многих «северных изображений» (Светлана Альперс) по крайней мере начиная с Яна ван Эйка⁶, и феноменальная техническая способность Гольбейна сохранять то, что он изображает, узнаваемым и разборчивым даже в мельчайших деталях, мотивируют те герменевтические спекуляции, которые пытаются проникнуть за изнанку изображения, по ту сторону собственно живописной поверхности⁷. Вполне возможно (и, навер-

5. Череп присутствует также в виде броши на берете де Дентевилля.

6. Картину Гольбейна можно отнести к тому, что Светлана Альперс назовет «северным описательным модусом» живописи, противопоставив его итальянской, нарративной, традиции изображения. См.: Альперс С. Искусство описания: голландская живопись XVII века. М.: V-A-C press, 2022. С. 12–29.

7. Выложенная на Google Art & Culture цифровая репродукция «Послов» с инструментом масштабирования (см. URL: <https://artsandculture.google>).

ное, обоснованно) искать в «Послах» Гольбейна серии потаенных смыслов и устанавливать между ними множество неочевидных соответствий, но при этом картина вычерчивает некоторый фактический (реалистический) нередуцируемый план, совпадающий с самой изобразительной поверхностью, план, на котором в рамках одной сцены объединены наделенные определенным статусом и функцией люди (*послы*) и весьма *специфические* вещи (см. рис. 1).

В своем «Космосе» Джон Норт скрупулезно перечисляет все представленные на картине Гольбейна предметы и одновременно предлагает свою интерпретацию их странного соседства с послами:

В ее центре изображен двухъярусный стол, на котором размещены разнообразные астрономические, географические, арифметические и музыкальные предметы. На верхнем ярусе мы видим небесный глобус, *chilindrum* (солнечные часы с гномоном), солнечный инструмент редкого типа, скорее всего, изобретенный Кратцером, и наполовину скрытый за ним деревянный квадрант. Там же имеются полиэдрические солнечные часы (с различными шкалами на разных гранях)⁸, а также торкветум. На нижнем ярусе расположены ручной земной глобус, арифметика с чертежным треугольником и компасами, лютя, несколько флейт и псалтырь. Эти экспонаты иллюстрируют четыре из семи свободных искусств, изучаемых на факультетах искусств во всех европейских университетах того времени. Картина может служить напоминанием о том, что учебная программа в области университетских искусств была крайне важна для поддержания астрономии во времена, когда она постепенно теряла свое влияние в других местах⁹.

com/asset/the-ambassadors/bQEWbLB26MG1LA?hl=ru) позволяет рассмотреть гольбейновскую картину как бы под микроскопом, в деталях, недоступных при стандартных условиях экспонирования и печатного репродуцирования вплоть до надписей на поверхностях небесного и земного глобусов, показаний астрономических приборов, музыкальной нотации в Псалтыри и используемого в ней готического шрифта, нюансов орнамента ковровой накидки, отделки меха на одежде послов, медальона (на нем изображен Святой Георгий, побеждающий змея), свисающей с золотой цепи, украшающей Жана де Дентевилля, или полускрытого за драпировкой распятия в верхнем левом углу картины. Возраст де Дентевилля является частью инкрустации ножен кинжала, который он держит в правой руке (цифра 29), возраст де Сельва указан на корешке книги под его рукой.

8. Подобные часы держит в левой руке Николай Кратцер на написанном Гольбейном портрете 1528 года (Ганс Гольбейн Младший. «Портрет астронома Николая Кратцера». 1528. Париж, Лувр).

9. Норт Д. Указ. соч. С. 417.

Рис. 1. Ганс Гольбейн Младший «Послы». 1533. Лондонская национальная галерея. Озадачивающее соседство.

Ни на одном из портретов Гольбейна присутствие вещей не является столь нарочитым и даже вызывающим. Их визуальная сборка организована вокруг геометрического центра картины и претендует на доминирующее положение в общем порядке этого изображения: во всяком случае, вещи и люди сосуществуют в нем едва ли не на паритетных началах. Что поверх всех возможных визуальных и смысловых напластований показано этим странным соседством вещей и людей? Нам не хотелось бы ставить под сомнение его интерпретацию Нортон, отводящим изображенным на картине Гольбейна астрономическим, географическим, арифметическим и музыкальным предметам роль «экспонатов»: они призваны иллюстрировать четыре свободные искусства европейского образовательного порядка и подчеркивать университетскую (и универсальную, в смысле Ренессанса) образованность показанных на ней персонажей (по-

слов), тем самым одновременно как бы определяя идеального зрителя этой картины, который смог бы прочесть заключенный в ней сложный символизм. Однако мы осмелимся предположить, что представленная Гольбейном сцена имеет дополнительное фактическое измерение. За исключением лютни, открытой Псалтыри и флейты все изображенные Гольбейном предметы, сопровождающие послов, имеют непосредственное отношение к практикам наблюдения и способам фиксации, преобразования, организации и репрезентации их результатов (в европейской истории астрономия всегда выступала образцовой наукой наблюдения). Но зачем они послам? Являются ли все эти глобусы, компасы, квадрант, *chilindrum*, торкветум, полиэдрические часы, «Арифметика»¹⁰ всего лишь предметами, обеспечивающими ученых досуг образованных классов эпохи позднего Ренессанса (казалось бы, присутствие музыкальных инструментов указывает именно на это)?

Нам представляется, что нет. Послы — это представители своего суверена, но что значит *представлять* суверена? Картина Гольбейна предлагает весьма специфический и, возможно, революционный для своего времени ответ. Представлять суверена — это не только (а применительно ко времени написания картины, вероятно, уже не столько) участвовать в сложных ритуалах монархической власти, символически обозначая присутствие суверена в ситуациях его фактического отсутствия, это не только поддерживать трудную, требующую отточенного мастерства, но при этом находящуюся под постоянной угрозой распада игру взаимного признания суверенов или служить необходимым посредником в их матримониальных обменах. Интересующая нас сцена как бы подсказывает: представлять суверена — это, прежде, всего быть наблюдателем социальных и природных миров, то есть участвовать в том эпистемологическом накоплении, которое будет обеспечивать властные режимы территориями и объектами их приложения и интенсификации, гарантируя им тем самым перформативную эффективность. Если наша точка зрения хотя бы отчасти верна (а она, безусловно, требует структурно сложного эмпирического обоснования),

10. Изображенная на нижнем ярусе стола полуоткрытая «Арифметика» Пета Апиана (1495–1552), выдающегося математика, космографа и изготовителя глобусов, позволяет разглядеть используемый в ней табличный формат представления чисел. Таблица — это давний (еще с античности) формат представления данных наблюдения в астрономии.

то «Послы» Гольбейна, инсценируя представленное нам странное соседство людей и вещей, документируют тот период истории Европы, когда видение (уже не визионерское и духовное, а эмпирическое и практическое, то есть как наблюдение), его техники и способы его репрезентационного закрепления начинают плотно вписываться не только в крупномасштабные политические стратегии, но и в рутинные процедуры государственного управления. Послы оказываются агентами той исторической политико-эпистемологической сборки (людей, институтов, технологий, репрезентационных форматов, научных практик, исследовательских объектов, сетей коммуникации и материальных инфраструктур), которую Лоррейн Дастон назовет «империей наблюдения»¹¹.

В картине Гольбейна удивляет определенная будничность изображенной на ней сцены, во многом создаваемая строгими, но при этом лишенными всякого напряжения позами послов. Они находятся в привычной обстановке и среди хорошо знакомых им вещей¹², и выдвинутый на передний план череп только усиливает это ощущение своей странной неуместностью среди этого обычного порядка вещей — находясь на одной картине с послами и их вещами, череп не принадлежит общему с ними визуальному порядку. Изобразительная поверхность картины оказывается планом, на котором проступают рутин-

11. Ср. со следующим замечанием Дастон: «Начиная с середины XVI века (а в случае венецианских послов гораздо раньше) государства и торговые предприятия тренировали своих представителей за рубежом наблюдать и писать отчеты в соответствии со стандартизированными схемами: вопросы, синоптические таблицы и т.д. Сетки наблюдения варьировались от кратких инструкций в неопубликованных опросных листах сэра Уильяма Петти («Получить лучшую карту страны», «Стоимость фруктов летом и зимой») до огромного числа вопросов, как в случае опубликованного швейцарским дипломатом и гуманистом Генрихом Ранцау списка из двухсот вопросов, охватывающих все: от времени захода солнца до музыкальных инструментов и жалования местного духовенства» (*Daston L. The Empire of Observation, 1600–1800 // Histories of Scientific Observation / L. Daston, E. Lunbeck (eds). Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2011. P. 83*).

12. Стоит добавить: работающих вещей, то есть инструментов. Например, торкветум (крайний справа на верхнем ярусе стола послов) — инструмент, изобретенный в первой половине XII века арабским астрономом Джабиром ибн Афлахом (ок. 1100–1160). Он позволял проводить измерения в трех системах небесных координат (эклиптической, экваториальной и горизонтальной) и осуществлять переход между ними.

ные, не всегда достигающие порога дискурсивности механизмы власти. Это план, в котором кинжал де Дентевилья уже кажется определенным рудиментом, ибо физическое насилие перестает быть последней опорой и последней истиной порядка господства. Сверх и помимо (а может быть, прежде всего) различных «потаенных схем» «Послы» демонстрируют перенос инструментов наблюдения и техник репрезентации в пространство повседневных механизмов господства, одной из главных функций которых становится производство видимостей, но не в смысле иллюзий, а в смысле того, что видимо. «Видеть как государство»¹³ Джеймса Скотта и «машины зрения»¹⁴ Поля Вирильо: долгая история становления политических аппаратов как аппаратов оптических; и «Послы» Гольбейна — фрагмент их археологии. Важной частью этих аппаратов является картографическое представление.

* * *

На картине Гольбейна изображены два картографических объекта, и оба они глобусы — глобус небесной сферы на верхней полке стола и глобус Земли на нижней. Небесный глобус представляет, по сути, конечный сферический космос Аристотеля и Птолемея. «Послы» — одно из первых произведений европейской живописи, в котором представлен именно *земной* глобус¹⁵. Визуальное свидетельство картографического подъема, начавшегося на рубеже XV–XVI веков и ставшего результатом схождения относительно независимых серий событий (развитие книгопечатания, интел-

13. См.: Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1999.

14. См.: Вирильо П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004.

15. Двумя более ранними примерами являются фреска (позднее переведенная на холст) Донато Браманте «Гераклит и Демокрит» (1477) и фреска Рафаэля «Афинская школа» (1510). У Рафаэля в группе в правом нижнем углу земной глобус держит обращенный спиной к зрителю Птолемей. На фреске Браманте два философа смотрят на глобус Земли, предаваясь интеллектуальному упражнению стоиков *katakopos* («вид сверху»): Гераклит оплакивает удел человека, Демокрит смеется над его ничтожеством. На обоих глобусах мир представлен в форме птолемеевской ойкумены (например, Индийский океан показан как окруженное сушей водное пространство). Но «Послы» Гольбейна демонстрируют важное смещение: «игра в шар» перестает быть спекулятивным занятием только философов и ученых, круг играющих в шар расширяется, и она становится политической игрой с реальными ставками и не менее реальными последствиями.

лектуальный и религиозный кризис, становление принципиально новых политических и экономических аппаратов, запустивших европейскую глобальную экспансию, но и принципиально новых эпистемологических режимов)? Безусловно, да¹⁶. Но это также и свидетельство того, что картография становится по преимуществу делом земным, а несовершенство, неправильность, запутанность и сложность земных пространственностей оказывается ее первичным фактом, обосновывающим саму ее необходимость и не подлежащим отмене геометрически правильными формами (сферы, планисферы, прямоугольники, эллипсы), ограничивающими сами картографические поверхности. Гольбейн изображает инновационный для своего времени объект, создавший новый режим представимости, видимости и интеллигибельности Земли и вместе с картографически новыми плоскостными картами мирами отвоевавший у средневековых Т-О карт и *mappe mundi* монополию на представление общего вида земной поверхности¹⁷. В типологии картографических объектов глобус занимает выделенное место — ни одна из карт не заходит так далеко

16. Дэнис Вуд напрямую свяжет картографический подъем не столько с ренессансным переоткрытием в начале XV века «Географии» Птолемея, эскалацией географических открытий или прогрессом математических и изобразительных техник (прежде всего, проекции и перспективы), сколько с формированием новых политических аппаратов, для которых карта станет одним из основных инструментов интенсификации и рационализации контроля. См. главу «Карты расцветают в весенний период государства» в: Wood D. Op. cit. P. 15–38. О так называемой «картографической революции» см.: Turnbull D. Cartography and Science in Early Modern Europe: Mapping the Construction of Knowledge Spaces // *Imago Mundi*. 1996. Vol. 48. P. 5–24 и Branch J. The Cartographic State: Maps, Territory, and the Origins of Sovereignty. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2014. P. 36–67. Более сдержанный и нюансированный подход представлен в: Woodward D. Cartography and the Renaissance: Continuity and Change // *The History of Cartography* / D. Woodward (ed.). Chicago; L.: University of Chicago Press, 2007. Vol. 3. Cartography in the European Renaissance. P. 3–24.
17. На средневековых Т-О картах, ставших популярным репрезентационным форматом благодаря «Этимологиям» Исидора Севильского, мир сведен к своей простейшей структуре: земной диск, окруженный океаном и разделенный на 3 континента (Азия, Европа и Африка). О средневековых *mappe mundi* как синоптических картинах пространства и времени, их сложной неметрической пространственности и визуальном энциклопедизме тварного мира см.: Della Dora V. The Mantle of the Earth: Genealogies of a Geographical Metaphor. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2020. P. 57–80; Brotton J. The History of the World in 12 Maps. N.Y.: Viking Penguin, 2012. P. 93–120.

как глобус в симуляции физической формы Земли и ее тотальности, поддерживая иллюзию совершенного мимесиса, как если бы между репрезентацией и реальностью существовало лишь одно отношение опосредования, отношение масштабирования (миниатюризации). То, что со времен античности существовало как математический концепт (теоретическая модель Земли как регулярного сферического тела, восходящая к пифагорейцам)¹⁸, было реализовано в эпоху Ренессанса как трехмерная модель, как экстерналия радикального географического воображения, в производстве которой оказались задействованы сферическая геометрия, астрономические и навигационные практики, множество графических и литературных техник, филигранная работа рук¹⁹. Для нас глобус — это объект, рутинизированный школьным образованием, стратегиями рыночного брендинга и политическими стратегиями репрезентации, прогнозами погоды и цифровыми платформами типа *Google Earth* с ее динамическим масштабированием и иными возможностями картографической манипуляции. Но историки картографии зачастую не скупятся на эпитеты в адрес земного глобуса: «типографское чудо-произведение», «исключительный акт симбиотической алхимии», «фигура грандиозной силы воображения», «карта с универсальными амбициями»²⁰.

18. Все античные небесные и земные глобусы известны нам только по литературным источникам, включая упоминаемый Страбоном глобус Земли, изготовленный стоиком Кратетом из Маллы (II век до н. э.) и иллюстрирующий странствия Одиссея (см.: Woodward D. The Image of the Spherical Earth// *Perspecta*. 1989. Vol. 25. P. 8–9). Старейший дошедший до нас небесный глобус — это сфера, которую несет на своих плечах Атлант Фарнезе (ок. 150 н. э.). Анализ его сложной визуальной программы см. в: *Слотердайт П.* Указ. соч. С. 53–66.
19. О технических и интеллектуальных процедурах конструирования глобусов как трехмерных объектных моделей Земли (включая космографические глобусы Петра Апиана и Геммы Фризия), а также об их использовании см.: Dekker E. Globes in Renaissance Europe// *The History of Cartography*. P. 135–173. Эта статья содержит каталог дошедших до нас небесных и земных глобусов, изготовленных в Европе в период с 1300 по 1600 год. См. также главу «Изготовление глобусов» в: Sumira S. *Globes: 400 Years of Exploration, Navigation, and Power*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2014. P. 33–39.
20. См. соответственно: *Слотердайт П.* Указ. соч. С. 826; Brotton J. *Op. cit.* P. 20; Cosgrove D. *Apollo's Eye: A Cartographic Genealogy of the Earth in the Western Imagination*. Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 2001. P. 5; Jacob C. *The Sovereign Map: The Theoretical Approaches in Cartography Through History*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2006. P. 238. Не сразу понятно, чем могут быть вызваны подобные восхваления.

Исключительная сложность земного глобуса как особого типа географической образности, претендующей на показ «всей Земли», и огромный объем воплощенного в нем знания заявили о себе уже в старейшем дошедшем до нас подобном объекте, созданном за 40 лет до написания «Послов». Речь идет о «Земном яблоке», глобусе Земли, изготовленного в 1492 году под руководством и по проекту Мартина Бехайма (1459–1507), немецкого негоцианта, ученого и путешественника, состоявшего на службе у португальской короны, для городского совета его родного Нюрнберга. Глобус Бехайма имеет диаметр 51 см (он с самого начала предназначался для публичного экспонирования в городской ратуше) и сделан из бумаги и гипса. Сфера покрыта пергаментом, на который вручную нанесено изображение земной поверхности. Мир на глобусе Бехайма представлен почти полностью в соответствии с «Географией» Птолемея (включая сильно преувеличенные размеры Азии), однако форма побережий Европы и Западной Африки отражают последние географические открытия (Бехайм был участником ряда португальских экспедиций вдоль африканского побережья), включая морской маршрут в Индийский океан вокруг африканского континента, открытый в 1488 году Бартоломео Диашем. Тем не менее, это еще доколумбов мир, то есть мир без Америки.

Интересно, что уже первый глобус Земли доводит едва ли не до предела ту двойственность, которая с самого начала была вписана в географию и которая выражена в двойной семантике греческой морфемы «графия»: «описание» — описание Земли (гео-графия) — может быть представлено и в изобразительной форме, и в форме языковой репрезентации. Репрезентационное пространство бехаймова глобуса, как и лю-

Тем не менее ср., напр., со следующими двумя замечаниями: «Представление о сферичности Земли — это не что-то, что естественным образом приходит к нам как видящим-слышащим-разныхживающим-пробующим-ощущающим животным, это не что-то, что дано нам... чувственно. Это отложение культурной работы, наблюдений на протяжении веков за приходящими к нам из-за моря судами и падающими в различных местах тенями, путешествий на большие расстояния. Это с трудом завоеванное знание» (*Wood D. Op. cit. P. 15*); «До 1968 года „видеть“ сферическую Землю означало воображать и изображать ее, активность зачастую неотделимая от визионерского опыта. Достичь глобального видения — значило освободиться от земных уз, сбросить с себя оковы времени, упразднить случайные превратности повседневного существования ради универсального момента грезы и гармонии» (*Cosgrove D. Op. cit. P. 7*).

бая картографическая поверхность, это место напряженного союза между визуальным и дискурсивным. Отношения между письмом и изображением на подобных поверхностях никогда не были простыми и однозначными (например, письмо с его не до конца определенной и неподдающейся полному контролю сетью значений, отсылок и смысловых отложений всегда нарушало претензию картографического изображения на следование миметической логике)²¹. На глобусе Бехайма обширные зоны репрезентационного пространства, которым еще только предстояло обрести форму новых крупных континентальных массивов или остаться территориями обширных водных масс, оказываются захваченными географическим письмом. И работа письма не сводится к распределению географической номенклатуры и привязке ее к конкретным местам, равно как и работа изображения не сводима к вычерчиванию общих контуров различных географических объектов. Картография Бехайма — это картография ойкумены, обитаемого мира, для представления которого недостаточно топонимики и абстрактного геометрического графизма, призванного своими точками, линиями и фигурами отображать (в двойном, математическом и (квази)оптическом, смысле) земную поверхность и ее отдельные участки. Изобильная иконография и кажущееся избыточным присутствие письма на картографической поверхности «Земного яблока» объясняются, возможно, именно этим обстоятельством (см. рис. 2).

* * *

В своих графических и дискурсивных манифестациях земной глобус на картине Гольбейна гораздо сдержаннее, чем «Земное яблоко» Бехайма, но от этого не менее амбициозен, реализуя, как и любой глобус, то, что Дэнис Костроув назвал «аполлоновским видением» (взглядом на Землю сверху и на расстоянии; см. рис. 3). Ни один из глобусов такой модели (с ручкой для держания в руке, входящей в поверхность глобуса в точке Северного полюса) не сохранился²². Отсутствуют на нем и важные

21. Кристиан Жакоб, написавший одну из самых важных работ по истории картографии, специально рассматривает эти отношения в главе «Карты и письмо» своей книги. См.: *Jacob C. Op. cit.* P. 189–268.

22. Небесный глобус Гольбейна однозначно атрибутируется Иоганну Шёнеру (1477–1547), математику, космографу, картографу, изготовителю научных инструментов и глобусов. Шёнер фактически создает европейский рынок глобусов, начав использовать при их изготовлении техни-

конструктивные элементы стандартной модели земного глобуса, как она сложилась в XVI веке — меридианный и горизонтный круги, квадрант высоты. Более того, глобус как правило устанавливался на подставке, а не предназначался для держания в руке, хотя с конца XVII века в Европе входят в моду миниатюрные «карманные» глобусы. На картине Гольбейна глобус Земли показан со своей космографической парой. Питер Слотердайт напомним нам о важной политической и эпистемологической функции этих объектов: примерно с 1500 года (время начала производства и распространения именно земных глобусов) и вплоть до 1830-х годов глобус небесной сферы и глобус Земли изготавливались и устанавливались вместе в качестве своеобразных «сфер-двойников», выполнявших функцию по репрезентативной консолидации эпистемологического режима и режима политического:

ки печати, что позволило превратить глобус в серийно производимый объект. Еще до Шёнера Мартин Вальдземюллер (1470–1521) изобретает способ воспроизводства картографической части глобуса при помощи гравирования и печатного пресса: членение сферы на (как правило) 12 сегментов, каждый из которых изображает фрагмент земной поверхности по обе стороны от меридиана, простирающегося от полюса до полюса. В случае 12 сегментов каждый из них представлял фрагмент Земли в 30 градусов долготы. Именно эта сегментированная развертка сферы подлежала гравировке и техническому воспроизведению, затем каждая из секций вырезалась и наклеивалась на поверхность глобуса. Считается, что в 1507 году Вальдземюллер наряду со своей знаменитой картой мира *Universalis Cosmographia* опубликовал и свой вариант сегментов для глобуса Земли (см. об этом «Предисловие» Петера ван дер Крофта в: Dahl E. H., Gauvin J.-F. *Sphaerae Mundi: Early Globes at the Stewart Museum*. Montreal: Septentrion/McGill-Queen's University Press, 2000. Р. 18–19). И на карте, и на сегментах Вальдземюллера впервые появляется имя «Америка», а соответствующий массив земли изображен как отдельный континент. С атрибуцией земного глобуса Гольбейна дело обстоит сложнее. Элизабет Деккер и Рудольф Шмидт, рассмотрев и отвергнув ряд атрибуций (включая один из земных глобусов Шёнера), предположили, что моделью для гольбейновского глобуса был недошедший до нас глобус Земли, изготовленный личным секретарем Карла V Максимилианом Трансивальнусом: сведения о нем содержит ряд источников начала XVI века (См.: Dekker E., Schmidt R. *The Globes in Holbein's Painting "Ambassadors"* / *Die Globen auf Holbeins Gemälde: „Die Gesandten“* // *Der Globusfreund*. November 1999 (für/for 1999/2000). № 47/48: Bericht über das IX. Symposium der Internationalen Coronelli-Gesellschaft / Report on the IXth Symposium of the International Coronelli Society. Р. 19–52).

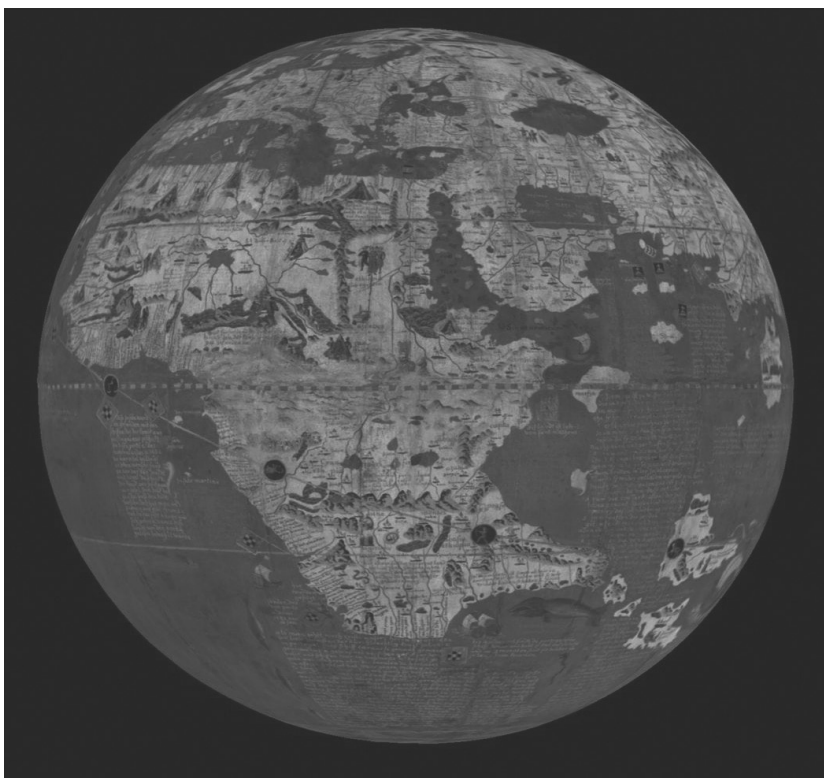

Рис. 2. «Земное яблоко». Глобус Мартина Бехайма. 1492. Немецкий национальный музей города Нюрнберга. Картографическая репрезентационная поверхность: *Graphia* как порядок изображения и порядок письма.

«Земной глобус, сконструированный в Нюрнберге в 1492 году для Мартина Бехайма, содержит 111 миниатюр, выполненных Георгом Глокендоном. Среди них: 48 флагов (10 из которых португальские); 15 гербов с геральдическими цветами; 48 изображений королей, сидящих в шатрах или на троне; 11 кораблей, плывущих по морю; различные рыбы, морские львы, морские коровы, морские коньки, морские змеи, тритоны, сирены, слоны, леопарды, медведи, верблюды, попугаи (но нет ни летучих рыб, ни китов, которых Бехайм должен был видеть собственными глазами во время своих путешествий); два сциопода в Южной Африке. <...> глобус изобилует записями — около 1100 топонимов. К ним добавлены легенды, которые варьируются от отдельных предложений до сложных составных текстов. Глобус поддерживает постоянную метонимическую связь с библиотеками географов и путешественников. Большая часть информации, номенклатуры и очертаний заимствуется из книжных источников»²³.

23. Ibid. Р. 178, 252. Но надписи на глобусе Бехайма не только реактуализируют культурную библиотеку эпохи (труды Птолемея, Марко Поло или «Приключения сэра Джона Мандевиля»), но и отсылают к прагматическим реали-

Лишь вместе два этих шара выполняли свою космографическую миссию, и лишь вместе они, установленные на крышах монарших дворцов, в холлах и читальных залах крупнейших европейских библиотек от Мадрида до Москвы, символизировали универсум знания и знание универсума. Где бы ни находились шары-близнецы, они везде совместно указывали представителям образованных сословий на привилегированную обязанность сильных мира сего смотреть во все стороны²⁴.

Гольбейновские послы обременены именно этой «привилегированной обязанностью», и как раз эта двойная конфигурация представлена у Гольбейна, где глобус Земли, будучи меньшего размера и располагаясь на нижнем ярусе стола, еще сохраняет свое подчиненное положение (соответствующее подчиненному положению географии в рамках общего проекта ренессансной космографии), но при этом уже заявляет претензии на автономию — не в последнюю очередь встроенными в него репрезентационными схематизмами. Что удивляет в глобусе Земли на картине Гольбейна, так это

ям, выступая сообщением о возможных инвестициях, в том числе в открытие западных торговых маршрутов в Китай. В качестве дополнения к описанию Жакоба ср. с замечаниями Джерри Броттона: «Глобус Бежайма был покрыт множеством заметок о рыночных местах, стоимости товаров, местных торговых практиках и движении сырья, что оставляло мало сомнения в том, какой аудитории он был адресован. По мере того как подобные карты и глобусы все в большей степени становились частью расширяющегося коммерческого мира, они сами оказывались предметами обмена, встроенными в новые, тщательно разработанные формы коммерческих операций. <...> к началу XVI века обладание картой стало приравниваться, метафорически и финансово, к покупке специй, перца, шелка или драгоценных металлов, прямой доступ к которым она, как казалось, давала» (*Brotton J. Trading Territories: Mapping the Early Modern World*. L.: Reaktion Books, 1997. P. 24–25).

24. *Слотердайк П.* Указ. соч. С. 67. Почти все известные изготовители глобусов XVI–XVII веков (Иоганн Шёнер, Каспар Вонеллий, Гемма Фризий, Герард Меркатор, Вильям и Ян Блау, Винченцо Коронелли и др.) создавали именно подобные космографические пары. О космографическом проекте Ренессанса (концептуально и визуально геоцентричного) как «месте встречи теологических дебатов эпохи, новых технологий, социальных отношений и моральных забот» (*Della Dora V. Obituary Denis Cosgrove (1948–2008) // Imago Mundi*. 2009. Vol. 61. Pt. 1. P. 97) см.: *Cosgrove D. Images of Renaissance Cosmography, 1450–1650 // The History of Cartography*. P. 55–98. С отсылкой к Мэтью Эдни Костроув определит космографию как особый режим картографирования (*mode of mapping*) — «исторически специфическое множество социальных и технических отношений, определяющих репрезентационную практику». Концепция режимов картографирования Эдни наиболее полно представлена в его последней работе: *Edney M. H. Cartography: The Ideal and Its History*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2019. P. 27–49.

его очевидная визуальная сдержанность: нам не требуется больших усилий, чтобы проинтерпретировать его визуальный язык и его визуальные риторические фигуры и понять предлагаемую им визуальную классификацию мира. В отличие от небесного глобуса он не содержит и следа античного или средневекового символизма. Земной глобус как картографическое представление не является здесь поверхностью, на которую желание, страх, воображение или память проецировали бы свои фигуры, образы, наваждения и упования, разыгрывая свои сложные и загадочные визуальные и дискурсивные игры. Здесь нет долго сохранявшегося в европейской интеллектуальной истории напряжения между теологизированной и/или мифологизированной картографией и эмпиризмом навигационных практик (*mapraetundi* vs портуланы), которое еще явно заметно на глобусе Бехайма. Глобус Земли у Гольбейна как бы подчинен принципу репрезентационного минимализма и политико-эпистемологической функциональности: пространство мира на нем сведено к мере и порядку, оно размечено и организовано координатной сеткой математических линий. Как и в случае «Земного яблока» Бехайма, на гольбейновском глобусе геометрия заявляет о себе как о внутренне связанном и автономном графическом уровне. Геометрическая рациональность координатной сетки, строгость и универсальность ее линейного механизма²⁵, скрытая произвольность навязываемого ею порядка, оказываются противопоставлены случайности и беспорядочности «реальных» географических объектов, картографирование которых она отныне обеспечивает. В карту — и глобус Гольбейна это явно демонстрирует (в том числе путем очень четкой прорисовки картографической поверхности) — вписан визуальный и концептуальный раскол между геометрической правильностью, регулярностью, систематическим порядком математических линий и изогнутыми, «неправильными» линиями, претендующими на отображение «реального» порядка земной поверхности (на глобусе и картах мира — в ее наиболее крупных делениях). Математическая сетка координатных линий не входит в эмпирический состав картографируемой пространственности, но, выступая организующим принципом картографической поверхности, одновременно является ее частью:

25. Нарисованные красным цветом широтные линии на глобусе Гольбейна (*AEQVNOCCIALIS CIRCVL*, *TROPICA CANCRI*, *ARCI*) еще поддерживают связь с кругами небесной сферы (экватором, тропиком, арктическим кругом). Это явное наследие Птолемея, показавшего, как использовать небесную координатную сетку долгот и широт для геометрического определения местоположения на Земле.

Рис. 3. Ганс Гольбейн Младший. «Послы» (фрагмент). Мир на поверхности. Картография и взгляд Аполлона.

«Осуществление аполлоновского видения требовало репрезентационной поддержки со стороны сферической тригонометрии, графического и литературного мастерства. История подобных репрезентаций сложна и тесно связана как со стремлением к материальному обладанию, власти и господству, так и с метафизической спекуляцией, религиозным вдохновением и поэтическим чувством»²⁶.

...часто забывают следующий парадокс: линии долготы и широты занимают то же самое пространство, на организацию которого они претендуют²⁷.

26. Cosgrove D. Apollo's Eye. P. 5.

27. Jacob C. Op. cit. P. 123. Таким образом, из двух главных вкладов Птолемея в европейскую картографию (координатная сетка и проективные методы, позволяющие производить математически контролируемые преобразования трехмерного объекта в плоскостной двухмерный объект) глобус Гольбейна демонстрирует по понятным причинам один — сетку. Ср. с замечанием Вероники Делла Дора: «Птолемеевские математические проекции и координатная сетка создали новый тип картографической репрезентации, которая в отличие от [средневековых] *mappe-mundi* позволяла картографировать неограниченное множество данных на математически предопределенной поверхности. Птолемеевы карты управлялись „логикой экспансии“. Они были открытыми системами. Карта перестала быть Телом Христовым, закрытым контейнером мест-событий, она стала расширяющимся архивом местоположений, которые подлежат картографированию на ортонормированной геометрической поверхности» (Della Dora V. The Mantle of the Earth. P. 83–84).

Несмотря на свой визуальный лаконизм, гольбейновский глобус представляет географически более сложный мир, чем «Земное яблоко» Бехайма. Это уже не трехконтинентальный мир классической географии и Птолемея. Помимо уже вполне узнаваемых в своих пространственных очертаниях территорий и географических регионов (Европа в целом, часть африканского континента, Ближний Восток, Италия, Франция, Балтийское, Черное, Средиземное, Адриатическое моря и т. д.; это узнавание зачастую подкрепляется соответствующей географической номенклатурой: *EVROPA*, *AFRICA*, *ITALIA*, *FRANCIA*, *NORBEGIA*, *PONT EVXIN*), на глобусе Гольбейна представлена часть южноамериканского континента (обозначенного не как на *Universalis Cosmographia* Вальдземюллера *AMERICA*, а португальским топонимом *BRISILICI R*) и Антильские острова (*ANTIGLI INSULA*) — графические следы географических открытий последних десятилетий. Явный визуальный акцент на показ общих контуров континентов и общего распределения суши и воды означает безусловный приоритет демонстрации генерализованного порядка мира (Земли) над топографическими подробностями. Внутренние территориальные деления — за исключением показанных кротовыми норками горных хребтов и извилистых русел некоторых больших рек — визуально не артикулированы, а поддерживаются, скорее, рассеянными по репрезентационному пространству глобуса топонимами (*NORBEGIA*, *MOSCOVIA*, *SENEGALA*): имя собственное (топоним) определяет зону в отсутствие изображенных на карте границ²⁸. Само графическое начертание этих топонимов на глобусе Гольбейна указывает на предполагаемую географическую иерархию земных пространственностей (названия континентов пишутся прописными буквами — *EVROPA*, *AFRI-*

28. Разработанный Птолемеем математический аппарат, во многом определивший (концептуально и визуально) развитие европейской картографии, способствует проведению на картографических поверхностях дискретных линий как визуализации (и/или создания) границ и территориальных членений. На глобусе Гольбейна их еще нет, но в XVI–XVII веках их появление на картах становится растущей тенденцией. Йордан Бранч приводит данные исследования Джеймса Аккермана: в *Theatrum Orbis Terrarum* Абрахама Ортелиуса (1570) имеют границы только 45% карт, в изданном в 1616 году под редакцией Йодокуса Хондиуса *Атласе* Герарда Меркатора таких карт 62%, а в *Theatre du monde, ou nouvel atlas* Вильяма Блау (1644) и в *Les Cartes générales de toutes les provinces de France* Николая Сансона (1659) их уже 79 и 98%, соответственно (Branch J. Op. cit. P. 79).

СА; название внутренних регионов начинаются с заглавной буквы — *Ethiopia, Bvlgaria, Hispania*), но это принцип не проводится последовательно, что указывает на неустоявшийся характер графического кода и вносит неопределенность в географическую классификацию: едва ли возможно однозначно специфицировать, к каким пространственным, географическим, политическим и культурным единицам отсылают топонимы и какие между ними логические и метеорологические отношения. Европа на глобусе выделена желто-коричневым цветом, пределы распространения которого в репрезентационном пространстве карты обозначают географические границы «континента», но этим цветом остаются не выделенными Скандинавия, Ирландия (*IBERNIA*) и целый ряд островов в Средиземном море (например, *SICILIA, SARDINIA* и *CRETA*): географический принцип распространения желтого цвета остается неясным²⁹. На глобусе Гольбейна представлены и города, но визуальный способ их изображения (кружок условно одинакового размера с топонимом) как бы не предполагает географических, политических, экономических и ценностных иерархических отношений между ними: одинаковым образом показаны *IEROSOLIMA, ROMA, VENECIE, PARIS, FESSA* на северо-западной оконечности африканского континента, и даже *NVREBERGA*³⁰ и родовой замок Жана де Дентевилля *POLICY*, но при этом *GENVA* присутствует на карте скорее как региональный топоним.

Визуальная и дискурсивная неопределенность и неоднозначность гольбейновского глобуса показывают всю сложность предприятия по картографированию «земных несовершенств», которые не могут быть математически дедуцированы и представление которых требует помимо прочего размещения на одной репрезентационной поверхности масштабируемых и немасштабируе-

29. На глобусе Гольбейна восточная границы Европы (граница распространения желтого цвета) проходит по реке *TANAIS* (Дон), что является структурным следом средневековых Т-О карт, на которых граница между Европой и Азией проходила как раз по Танаису.

30. Есть искушение увидеть в присутствии Нюрнберга на глобусе Гольбейна проявление картографической самореференции. Нюрнберг — один из главных центров европейской картографии эпохи Гольбейна. Именно в этом городе создается первый глобус Земли, в нем работал Иоганн Шенер, птолемеевская карта мира появляется в «Нюрнбергских хрониках» Хартмана Шедела (1492), безусловном техническом шедевре книгопечатания инкунабельного периода.

мых (например, топонимов) элементов — совмещение, фундаментальное для картографии, однако не лишенное двусмысленности и чреватое многочисленными теоретическими и практическими трудностями³¹.

Но при этом на глобусе Гольбейна присутствует графический элемент, который, стремясь позаимствовать у координатной сетки широт и долгот ее предполагаемую математическую строгость, визуализирует политико-экономическое деление, которое как представляется лишено двусмысленности, но это деление применено не к отдельному участку суши или водного пространства, а ко всему миру (Земле) как глобальному континууму. Это *LINEA DIVISIONIS CASTELLANORV ET PORTVGALLEN* — меридиан, начертанный на гольбейновском глобусе красной линией, что выделяет его среди других линий долгот (прорисованных черным цветом) и как бы подчеркивает всю баснословность этого политико-картографического акта. 4 мая 1493 года папа Александр VI Борджиа выпускает инспирированную первым плаванием Колумба буллу *Inter Caetera*, которая передавала кастильской короне в вечное владение

... все острова и материи, найденные и те, которые будут найдены, открытые и те, которые будут открыты, к западу и югу от линии, проведенной и установленной от арктического полюса, то есть севера, до антарктического полюса, то есть юга, <...> названная линия должна отстоять на расстоянии ста лиг к западу и югу от любого из островов, обычно называемых Азорскими и Зеленого Мыса³².

Эта булла входила в серьезное противоречие с амбициозными планами португальской морской экспансии, что потребовало специального межгосударственного урегулирования. Оно было достигнуто подписанием в кастильском городе Тордесилье

31. Топонимы на картах могут иметь разные начертания (на глобусе Гольбейна они стилистически сходны с типографским шрифтом антиква) и быть разных размеров. Но размер топонима не связан отношением масштаба с его предполагаемым референтом. То же касается иконографических элементов на карте, главная функция которых заключается в индивидуализации представляемых на карте мест. Возможно, именно это совмещение масштабируемых и немасштабируемых элементов на одной картографической поверхности делает столь проблематичным проект по «семиотике карт».

32. Цит. по: Алиев Р. Изнанка белого. Арктика от викингов до папанинцев. М.: Паульсен, 2018. С. 11.

яс 7 июня в 1494 года мирного договора между Испанией (Кастилией) и Португалией. В соответствии с договором линия раздела была проведена от полюса до полюса на расстоянии 370 лиг от островов Кабо-Верде. Все что находилось западнее этой линии раздела, включая открытые Колумбом территории, переходило под контроль Испании, все, что располагалось восточнее этой линии, включая африканское побережье и Индийский океан подпадало под контроль Португалии. Для остальных европейских держав Мировой океан закрывался. «Один из самых ранних и высокомерных актов европейской глобальной имперской географии»³³ — так Джерри Броттон характеризует это соглашение: мир оказался поделенным между двумя европейскими державами с использованием карт для провозглашения и утверждения собственных амбиций. Земной глобус Гольбейна представляет линию раздела мира между Португалией и Испанией по Тордесильяскому договору, раздела впервые осуществленного на основе абстрактной концепции пространства и принципов математической картографии. (На глобусе Гольбейна изображены и Азорские острова — ACCORES — и архипелаг Кабо-Верде с выделенным цветом островом Санту-Антан — S. ANTHONI.) Это поразительный акт (особенно учитывая, что определение долготы «на местности» оставалась серьезной научной и практической проблемой до второй половины XVIII века) захвата и дележа, осуществляемый сначала в репрезентационном пространстве картографической поверхности, содержащей в то время многочисленные белые пятна и *terrae incognitae*³⁴. Характер «политиче-

33. Brotton J. The History of the World in 12 Maps. P. 194.

34. Тордесильяское соглашение 1494 года породило больше проблем, чем решило. Одной из них было определение, в чьей зоне контроля находятся Молуккские острова (Острова Пряностей — многовековой объект европейских фантазмов и экономического вожделения), предмет главного интереса португальской заморской торговли. Путешествие Магеллана задумывалось как нахождение западного маршрута к этим островам и обоснование того, что они располагаются в испанской зоне (Броттон приводит свидетельство Бартоломео лас Касаса, что Магеллан показывал ему предполагаемый маршрут своего плавания на глобусе, см.: Ibid. P. 200). Первое кругосветное путешествие, которое по факту совершили Себастьяно Элькано и 18 уцелевших членов магеллановой экспедиции, оказалось лишь побочным и во многом случайным эффектом. Спор между испанской и португальской коронами по поводу Молуккских островов закончился только через 35 лет после Тордесильяса заключением Сарагосского договора 1529 года, по которому Карл V продал свою «претензию» на Молуккские острова своему португальскому родственнику Жуану III.

ских суждений, которые делаются при помощи карт»³⁵, здесь очевиден. Французский король Франциск I, которого представляют гольбейновские послы де Дентевиль и де Сельв, и английский король VIII, при дворе которого они находятся, являются суверенами держав, которые опоздали к разделу миру, но уже включились или готовы были включиться в борьбу за глобальные переделы мира, борьбу, в которой изображенные Гольбейном люди, инструменты наблюдения и земная картография будут играть все большую роль³⁶.

Единственные иконографические элементы, которые мы видим на глобусе Гольбейна — это два корабля. Мы можем позволить себе исторически обоснованную фантазию: это две португальские каравеллы. Одна из них направляется к мысу Доброй Надежды, чтобы, обогнув его, добраться по Индийскому океану до португальских факторий в Каликуте, Малакке или на Молуккских островах. Вторая каравелла возвращается с грузом пряностей в Европу.

Каждая точка на поверхности Земли — это потенциальный адрес капитала, который все места в пространстве рассматривает с точки зрения их доступности для вычислений и измерений³⁷.

Это и есть то пространство, которое подлежит картографированию и картографическому представлению. Одной из главных функций карт (и гольбейновский глобус пусть очень скромными визуальными средствами, но это показывает) становится очертывание надежных маршрутов возвращения инвестиций, кар-

35. Harley B. *The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography*. Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 2001. P. 53.

36. Подробнее о Тордесильяском договоре, его геополитических и экономических последствиях и роли карт и глобусов в международной геополитике и геоэкономике см.: Brotton J. *The History of the World in 12 Maps*. P. 194–222. См. также: Копелев Д. Н. Битва портуланов: Забытые и малоизвестные страницы военно-морской истории XVI–XIX столетий. СПб.: Крига, 2019. С. 13–109, где представлены репродукции ряда ренессансных и нововременных карт, на которых изображена тордесильясская линия, включая *Марра mundi* Хуана Косы и планисферу Кантино. О картографических аспектах Тордесильяского договора, включая различия в представлении линии раздела на глобусах и плоскостных картах, требовавших проведения двух линий см.: Hruby F., Riedl A. 2000 Years of ‘Globes vs. Maps’ — Lessons (To Be) Learned // *International Journal of Cartography*. 2018. Vol. 4. № 2. P. 190–193.

37. Слотердайк П. Указ. соч. С. 834.

тографируемое пространство — это прежде всего пространство экономических потоков. Картография становится работой по визуализации концептов политэкономии капитализма, и этнографические сцены, географическое многообразие флоры и фауны, заполняющие континентальные и океанические зоны или формирующие визуальную периферию многих карт Ренессанса и Нового времени в рамках подобной концептуальной схемы — не более чем фигуративное представление потенциальных или уже ставших актуальными экономических ресурсов для бесконечно расширяющейся динамики капитала:

Главный факт Нового времени состоит не в том, что Земля вращается вокруг Солнца, а в том, что деньги циркулируют вокруг Земли³⁸.

Послы Гольбейна были среди пионеров понимания этого факта: глобус Земли служил наилучшим его подтверждением.

* * *

Искусно и предельно реалистично выписанный Гольбейном земной глобус — это, как и любой глобус, комплексная вещь. Будучи эмпирическим объектом (его можно держать в руках, вращать, практиковать и реализовывать самые разные траектории визуального номадизма по его поверхности), он при этом моделирует и поддерживает эмпирически нереализуемые оптики и способы видения³⁹, которым тем не менее уже предоставлены гарантии эмпирической референциальной адекватности (Земля такова — смотри!). Мы здесь имеем работу какого-то сложного оптического и когнитивного механизма (чьи спецификации и феноменологию нам так трудно описать), осциллирующего между эмпирическим порядком и порядком интеллигибельным, но при этом наглядно представленным. Картография и глобус как фундаментальный тип географической образности как бы вычерчивает новое, замещающее эмпирические объекты поле

38. Там же. С. 862.

39. В случае картографии они нереализуемы по причине технических ограничений той или иной исторической эпохи (например, характерный для карт вид на Землю сверху) или же являются эмпирически нереализуемыми принципиально, например, видение «всей» Земли на картах мира (этих претенциозных формах универсального визуального синопсиса), «обеспечиваемое» плоскостной разверткой ее поверхности, чреватой при этом неизбежными проекционными искажениями.

видимости. При всем множестве возможных и верифицируемых отсылок к этим объектам в этом поле видимости оказывается визуально (образно) представлено то, что эмпирически (перцептивно) представлено быть не может (ср. прим. 20)⁴⁰. И как показывают «Послы» Гольбейна, это новое поле видимости становится новым пространством наблюдения, но и новым пространством контроля и политического действия. Глобус является одной из тех репрезентационных поверхностей (наряду, например, с картой мира или таблицей), или местом, где «собираются другие, удаленные в пространстве и времени места и оказываются синоптически представлены взгляду»⁴¹, одним из тех тотализирующих и синтетических представлений, которые сводят многое (в пределе — все) перед одним взором. «Послы» Гольбейна утверждают глобус (изображенный на картине как буквально подручная вещь) и реализованную в нем универсалистскую оптику как модельный объект политических и эпистемологических притязаний и одновременно как императив: «господствовать — это видеть», в том числе то, что происходит далеко в других местах. Земной глобус — эта визуальная форма универсального синопсиса⁴² — указывает на то, что отны-

40. Ср.: «...карта предполагает образы и размышления, которые не могут быть ни увидены, ни помыслены, когда мы смотрим на реальное пространство... карта, представляет схему, визуальную и одновременно интеллектуальную, которая занимает место невозможного сенсорного видения» (*Jacob C. Op. cit. P. 29*).

41. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 112.

42. Несмотря на то что глобусы лишены проекционных искажений (если абстрагироваться от несовершенной геометрической формы земного геоида), характерных для любой карты, последние по сугубо практическим причинам гораздо лучше поддерживают механику синоптического взгляды и его иллюзии (практические ограничения глобуса были хорошо известны уже Птолемею, предпочитавшему плоскостные карты; но глобус все же своей собственной механикой обеспечивает доступ к любой точке своей поверхности). Именно поэтому в «империи наблюдения» они выполняют почти исключительно символическую функцию, в отличие от карт, этих поливалентных инструментов политического господства и научного исследования. (О сложных символических функциях картографических объектов, включая глобусы, в репрезентационных политических программах Ренессанса и Нового времени см.: *Rosen M. The Mapping of Power in Renaissance Italy: Painted Cartographic Cycles in Social and Intellectual Context. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2015; Petto C. M. Mapping and Charting in Early Modern England and France: Power, Patronage, and Production. Lanham: Lexington Books, 2015*.) На кар-

не становится пространством наблюдения и пространством политических манифестаций и какова та предельная референциальная рамка, где теперь должны быть размещены они сами и их результаты⁴³.

Если и есть смысл говорить о «картинах мира» буквально (а не метафорически, как в случае языковых или научных картин мира), то речь должна идти именно о таких объектах, как глобусы и карты мира (и, возможно, вселенские пейзажи, например, Альбрехта Альтдорфера, Иохима Патинира, Питера Брейгеля Старшего или созданная НАСА карта наблюдаемой Вселенной). Глобус Земли Гольбейна — это в буквальном смысле картина, на репрезентационной картографической поверхности которой собирается мир, или, как сказала бы Светлана Альперс, мир «делается визуально присутствующим»⁴⁴. Одна из привилегий слов — быть среди тех, кому предназначена эта сборка мира, которой предоставлены теперь уже гарантии не божественного откровения (распятый Христос едва заметен на полотне Гольбейна за драпировкой в левом верхнем углу), и не текстуального авторитета древних, а гарантии строгости математического конструирования, эмпиризма наблюдения и эскалации открытий,

тине Гольбейна карт нет, но они во множестве представлены в голландской живописи XVII века (например, карта Нидерландов образует едва ли не композиционный и смысловой центр «Искусства живописи» Вермеера), показывающих проникновение картографии в буржуазные интерьеры.

43. По Слотердайку универсализм земного глобуса делает его еще и разнообразностью философских медиа, носителем метафизических и топологических вестей: «Латентная метафизическая информация, которую сообщает своим пользователям земной глобус, с самого начала гласила, что все существа, населяющие его поверхность, в некоем абсолютном смысле находятся вовне, даже если они все еще пытаются укрыться в дуальностях, жилищах и символических обертках» (*Слотердайк П.* Указ. соч. С. 827).
44. *Альперс С.* Указ. соч. С. 234. Брайан Харли будет писать о картографах, создающих «пространственный паноптикум» (*Harley B.* Op. cit. P. 166). Нетривиальным является вопрос: как и где практически собирается подобный синоптический и тотализирующий взгляд. Для времени Гольбейна одними из главных мест подобных сборок были две инновационные институции — португальская *Casa da Mina* и испанская *Casa de la Contratación*, в которых накапливались новые географические данные и разрабатывались новые картографические форматы. Значительная часть современных исследований по истории картографии посвящены тем формам «коллективного эмпиризма», которые обеспечивали подобную сборку или терпели крах. См., напр.: *Turnbull D.* Op. cit.

которые будут все снова и снова пополнять картографические поверхности.

Синоптический взгляд и тотализирующие репрезентации превратятся в один из главных политических фантазмов (но и инструментов) империи наблюдения и предметом непрекращающихся политико-эпистемологических проектов и экспериментов XVI–XVIII веков. Лоррейн Дастон упомянет о неопубликованной записке Лейбница, адресованной предположительно одному из европейских правителей. В ней он предлагает проект «Государственной таблицы», в которой все устные и письменные отчеты хорошо информированных путешественников были бы систематизированы и представлены в компактной обобщенной форме, позволяющей государю «охватить сразу одним взглядом связь вещей». Показательно, что Лейбниц сравнивает свою таблицу с «картами земли и океанов», приводя в качестве примера «карту ветров» Эдмонда Галлея 1686 года, ставшую, по словам Дастон, «подлинным триумфом коллективного эмпиризма»⁴⁵. Но за три года до этого венецианский монах-минорит, математик и космограф Винченцо Коронелли (1650–1718) представляет французскому королю Людовику XIV свой барочный картографический шедевр, в котором география как графическое (в двойном смысле «графии») исследование Земли приближается, как кажется, к собственному пределу, если не отрицанию — глобус Земли диаметром 3,9 метра: сложнейшая и богатейшая визуальная и дискурсивная сборка мира, в котором благодаря миниатюризации его разнообразного содержания, символическое господство над миром доведено до крайней степени. Но само изобилие этого содержания и гигантский размер картографической поверхности, на которой оно оказалось размещенным, подрывают саму возможность не только синоптического взгляда, но и взгляда исследующего. Во всяком случае Королю-Солнце понадобились для доступа в это замещающее пространство наблюдения и к размещенным в нем объектам театральные очки, а Ле Ларже пишет двухтомный манускрипт-путеводитель по глобусу Коронелли: письмо должно было взять руководство над взглядом.

45. Daston L. Op. cit. P. 81

Не выполняет ли нарисованный на переднем плане Гольбейном череп⁴⁶ не только функцию выражения моральной сентенции *Memento mori*, как бы предвосхищая моральную риторику голландских *vanitas* XVII века, на которых нередко можно встретить глобус Земли, но и функцию визуальной (оптической) критики синоптического взгляда и тотализирующих представлений (с их проективными и перспективными техниками, репрезентативными схематизмами и формами исключаящей селекции), которые несмотря на силу, которой их наделяет порядок политического и эпистемологического доминирования, всегда находятся под угрозой подрыва со стороны тех сил, которые они стремятся упорядочить и которые продолжают свое существование по ту сторону порядка господства и поддерживающих его систем репрезентации? Череп на картине Гольбейна, находясь с остальным изображением на одной живописной поверхности, оптически с ним не согласован: введение его в оптический фокус, что требует занятия строго определенной позиции по отношению к картине, ведет к визуальному распаду остального изображения — людей, их политико-эпистемологических инструментов, амбиций и сборок мира. Предчувствие контркартографий? Возможно.

Библиография

- Алиев Р. Изнанка белого. Арктика от викингов до папанинцев. М.: Паульсен, 2018.
- Альперс С. Искусство описания: голландская живопись XVII века. М.: V-A-C press, 2022.
- Броттон Д. Великие карты. М.: Эксмо, 2017.
- Вирильо П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004.
- Гавриленко С. М. Ганс Гольбейн Младший, Ян Ваделаар и империя наблюдения // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 4 (18). С. 84–102.

46. За 15 лет до написания «Послов» старший брат Ганса Гольбейна Младшего, Амброзиус Гольбейн (1484–1519), создает легендарную карту Утопии для второго издания «Утопии» Томаса Мора 1518 года. В целом карта изображает остров в соответствии с описанием Мора, однако имеет ряд трудно объяснимых расхождений с текстом. Рассмотренная под определенным углом, карта напоминает череп (подробнее см. в: Броттон Д. Великие карты. М.: Эксмо, 2017. С. 94–95).

- Копелев Д. Н. Битва портуланов: Забытые и малоизвестные страницы военно-морской истории XVI–XIX столетий. СПб.: Крига, 2019.
- Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 27. № 2.
- Норт Д. Космос. Иллюстрированная история астрономии и космологии. М.: НЛЮ, 2020.
- Слотердайк П. Сферы: макросферология. СПб.: Наука, 2007. Т. II: Глобусы.
- Branch J. The Cartographic State: Maps, Territory, and the Origins of Sovereignty. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2014. P. 36–67.
- Brotton J. The History of the World in 12 Maps. N.Y.: Viking Penguin, 2012.
- Brotton J. Trading Territories: Mapping the Early Modern World. L.: Reaktion Books, 1997.
- Cosgrove D. Apollo's Eye: A Cartographic Genealogy of the Earth in the Western Imagination. Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- Cosgrove D. Images of Renaissance Cosmography, 1450–1650 // The History of Cartography / D. Woodward (ed.). Chicago; L.: University of Chicago Press, 2007. Vol. 3. Cartography in the European Renaissance. P. 55–98.
- Dahl E. H., Gauvin J.-F. Sphaerae Mundi: Early Globes at the Stewart Museum. Montreal: Septentrion/McGill-Queen's University Press, 2000.
- Daston L. The Empire of Observation, 1600–1800 // Histories of Scientific Observation / L. Daston, E. Lunbeck (eds). Chicago; L.: The University of Chicago Press, 2011.
- Dekker E. Globes in Renaissance Europe // The History of Cartography / D. Woodward (ed.). Chicago; L.: University of Chicago Press, 2007. Vol. 3. Cartography in the European Renaissance. P. 135–173.
- Dekker E., Schmidt R. The Globes in Holbein's Painting "Ambassadors" / Die Globen auf Holbeins Gemälde : „Die Gesandten“ // Der Globusfreund. November 1999 (für/for 1999/2000). № 47/48: Bericht über das IX. Symposium der Internationalen Coronelli-Gesellschaft / Report on the IXth Symposium of the International Coronelli Society. P. 19–52.
- Della Dora V. Obituary Denis Cosgrove (1948–2008) // Imago Mundi. 2009. Vol. 61. Pt. 1.
- Della Dora V. The Mantle of the Earth: Genealogies of a Geographical Metaphor. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2020. P. 57–80.
- Edney M. H. Cartography: The Ideal and Its History. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2019.
- Harley B. The New Nature of Maps: Essays in the History of Cartography. Baltimore; L.: The Johns Hopkins University Press, 2001.
- Hruby F., Riedl A. 2000 Years of 'Globes vs. Maps' — Lessons (To Be) Learned // International Journal of Cartography. 2018. Vol. 4. № 2. P. 190–193.
- Jacob C. The Sovereign Map: The Theoretical Approaches in Cartography Through History. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2006.
- Petto C. M. Mapping and Charting in Early Modern England and France: Power, Patronage, and Production. Lanham: Lexington Books, 2015.
- Rosen M. The Mapping of Power in Renaissance Italy: Painted Cartographic Cycles in Social and Intellectual Context. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2015.
- Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven: Yale University Press, 1999.

- Sumira S. *Globes: 400 Years of Exploration, Navigation, and Power*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2014.
- Turnbull D. *Cartography and Science in Early Modern Europe: Mapping the Construction of Knowledge Spaces // Imago Mundi*. 1996. Vol. 48. P. 5–24.
- Wood D. *Rethinking the Power of Map*. L.; N.Y.: The Guilford Press, 2010.
- Woodward D. *Cartography and the Renaissance: Continuity and Change // The History of Cartography / D. Woodward (ed.)*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2007. Vol. 3. *Cartography in the European Renaissance*. P. 3–24.
- Woodward D. *The Image of the Spherical Earth // Perspecta*. 1989. Vol. 25.

THE WORLD ON THE SURFACE: *THE AMBASSADORS* AND THE GLOBE OF HANS HOLBEIN THE YOUNGER

STANISLAV GAVRILENKO. Lomonosov Moscow State University (MSU), Russia, o-s@proc.ru.

Keywords: cartography; cartographic surface; globe; Hans Holbein the Younger; map.

The article attempts to address to purely realistic plan of one of the most famous and full “secret schemes” paintings of the Northern Renaissance — *The Ambassadors* by Hans Holbein the Younger (1533). This plan is shaped by the scene of neighborhood, within which the people with particular status and function (ambassadors) and very specific things (many astronomical, geographic, arithmetic and musical things) are combined. What does this neighborhood demonstrate? Almost all the objects depicted by Holbein accompanying the ambassadors, have a direct bearing on observation practices and ways of capturing, transforming, organizing and representing their results.

The article makes the cautious assumption that over the possible hidden meanings and semantic sediments the picture of Holbein documents the moment in history of Europe when the techniques of observation and the ways of its representative consolidation began to fit closely not only into large-scale political strategies, but also into routine state administration procedures, while political apparatus began to constitute itself as an apparatus of observation. Particular attention is paid to the terrestrial globe, depicted on Holbein's picture, as an important part of these apparatus. For the Holbein's epoch the terrestrial globe was a new object. Being concurrently an epistemological instrument and an instrument of political domination, terrestrial globe is a complex mechanism of synoptic vision and totalizing representation, that representative (cartographic) surface on which the hard work of assembling and controlling the world is carried out.

DOI: 10.17323/0869-5377-2023-1-157-185